

УДК 811.161.1'373+811.161.3'373

Горицкая Ольга Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Goritskaya Olga

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the General Linguistics
Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
goritskaya@gmail.com

**БЕЛОРУССКАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА
В ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

BELARUSIAN NON-EQUIVALENT WORDS IN RUSSIAN TEXTS

В работе содержится анализ функциональных характеристик безэквивалентных лексем в русскоязычных текстах, созданных в Беларуси (на материале блогов). На основе корпусных данных обнаружены особенности распределения исследуемых лексических единиц в различных странах. Кроме того, в статье выявляются семантические особенности лексических единиц в белорусской разновидности русского языка и определяются слова, наиболее востребованные в коммуникации.

Ключевые слова: лексика; лексические единицы; безэквивалентная лексика; белорусская разновидность русского языка; языковые контакты.

The research shows that the majority of Belarusian non-equivalent words have low or zero frequency in Russian speech. Semantic characteristics of non-equivalent lexical units in Belarusian Russian (new meanings in particular) are described. Corpus-based analysis demonstrates that some words or meanings are evenly distributed in the Belarusian and Russian varieties of Russian, while others are characteristic of Belarus.

Key words: vocabulary; lexical units; non-equivalent vocabulary; Belarusian variety of Russian; language contact.

В русскоязычных текстах, созданных в Беларуси, встречаются разнообразные лексические единицы, которые возникли в результате белорусско-русских языковых контактов. Так, по данным Ольденбургского проекта, направленного на изучение белорусско-русской смешанной речи и языковой ситуации в Беларуси, 43,41 % белорусов охарактеризовали свою речь как русскую с белорусскими словами [1, с. 66]. Состав и функциональные характеристики элементов белорусского происхождения в белорусской разновидности русского языка [2] еще в полной мере не описаны. Цель данной статьи – выявить особенности функционирования белорусских безэквивалентных слов в текстах на русском языке.

Исследование проводилось следующим образом: мы искали лексемы, представленные в книге И. Г. Шкрабо «Самабытнае слова: слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні)» [3], в подкорпусе «Живой Журнал» (ЖЖ) Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru)¹. Ввиду автоматического сбора данных в этот корпус входят тексты не только на русском, но и на украинском, белорусском и других языках. Поэтому для обработки корпусной выдачи использовалась программа, помогающая отбирать контексты на русском языке (см. описание в статье [4]). В ходе исследования из выборки были исключены лексические единицы, у которых есть соответствия (обычно омонимические) среди высокочастотной лексики русского языка, например, *клуб* ‘верхняя часть бедра’ или *краска* ‘полевой цветок’. В том случае если единица не относилась к высокочастотным, мы просматривали корпусную выдачу и определяли, используется ли слово в интересующем нас значении.

Необходимо учитывать, что понятие «безэквивалентная лексика» не является строго очерченным. В словаре И. Г. Шкрабо к безэквивалентным относятся лексемы одного языка, которые не имеют однословного соответствия в другом языке [3, с. 3]. В первую очередь в круг этих слов включаются экзотизмы, обозначающие реалии, присутствующие только в одной из сопоставляемых культур (например, *верашчака* ‘жидкое мучное блюдо’), а также единицы, которые имеют в своем значении «дополнительные дифференциальные оттенки» [Там же, с. 4] (*лузанец* ‘вылущившийся орех’), в том числе слова, которые различаются коннотациями или внутренней формой. Широкое понимание безэквивалентных слов позволило И. Г. Шкрабо включить в эту категорию лексему *навуковец* ‘человек, занимающийся наукой’, хотя в русском языке есть слово *ученый*, которое может использоваться в том же значении (при этом есть белорусское слово *вучоны*). Другой пример – *звар’яцець* ‘потерять рассудок, сойти с ума’ (в русском языке есть слова *помешаться*, *тронуться*, *обезуметь*). Таким образом, к безэквивалентной лексике можно отнести значительное количество слов. Так, по мнению А. Е. Супруна, «даже в столь близких между собой языках, как русский и белорусский, до половины слов нетерминологического харак-

---

¹ В примерах из корпуса отмечается только имя пользователя. Везде сохраняется авторская орфография и пунктуация.

тера имеют различный объем или различные оттенки значения, независимо от того, совпадают или не совпадают эти слова по форме» [5, с. 99] (см. также [6]).

Анализ корпусных выдоч показал, что некоторые лексические единицы, отмеченные в словаре [3] как безэквивалентные, встречаются не только в белорусском языке и в белорусской разновидности русского языка, но и в речи жителей России и других стран, причем зачастую в том же значении. В таком случае мы проводили статистический анализ данных и по белорусскому (около 160 млн словоупотреблений) и российскому (около 4 млрд словоупотреблений) сегментам ГИКРЯ при помощи логарифмической функции правдоподобия. Если значение G^2 было ниже критического (15,13), слово считалось равномерно распределенным в России и Беларуси, $p < 0,0001$ [7, р. 62–63; 8].

Примеры таких слов – *зиркать/зыркать* (белорус. *зіркаць/зыркаць*) ‘бросать взгляды, шарить глазами’ ($G^2 = 0,03$), *фасолина* (белорус. *фасоліна*) ‘горошина фасоли’ ($G^2 = 0,08$), *цимус* (белорус. *цымус*) ‘самое важное, самое существенное, суть чего-либо’ ($G^2 = 4,88$), *волколак* (белорус. *ваўкалак*) ‘мифическое существо, согласно поверью, человек, способный принимать облик волка’ ($G^2 = 4,36$) и т.п. Подобные формально и семантически близкие слова, используемые в белорусском и русском языках (при этом в равной степени часто как в российской, так и в белорусской разновидностях), на наш взгляд, не вполне правомерно включать в белорусскую безэквивалентную лексику. Исключение можно сделать разве что для единиц с ярким национально-культурным компонентом типа *ваўкалак*.

Напротив, слово *драник*, наиболее употребительное в нашей выборке, зафиксировано в орфографическом словаре русского языка [9], что связано с распространением самой реалии за пределами Беларуси. Лексема имеет белорусское происхождение, и ее частотность в Беларуси значительно выше ожидаемой ($G^2 = 2184,72$). Поэтому слово можно считать безэквивалентным в белорусском языке и примером белорусского заимствования в русском языке (однако закономерно, что оно более востребовано в белорусском русском).

Некоторые слова, отнесенные И. Г. Шкрабо к безэквивалентным, зафиксированы не в белорусском, а в других национальных сегментах ГИКРЯ (как правило, это касается потенциальных слов, которые образуются по моделям, характерным как для белорусского, так и для русского языков). В качестве примера приведем лексему *никчемник* (белорус. *нікчэмнік*) ‘никчемный, ничтожный человек’, по которой есть несколько контекстов в России и иных странах (не в Беларуси):

(1) *Сейчас принято ругать оппозицию. Мол, это всякие бездельники и никчемники. А на митинги кто ходит? Те, у кого забот мало! Да и чего ходить, все равно бесполезно* (ГИКРЯ, ЖЖ: *its_rainy_now*).

Кроме того, мы заметили некоторые семантические особенности лексических единиц, отмеченных в [3] как безэквивалентные, в белорусской разновидности русского языка. Например, у И. Г. Шкрабо дается два зна-

чения слова *корч*: ‘вывернутый из земли с корнями пень’ и ‘куст картофеля, лука и т.п., вывернутый из земли’. Второй лексико-семантический вариант не представлен и в ГИКРЯ, а первый был обнаружен в белорусском сегменте (2) – наряду с новым значением ‘старая машина’ (3):

(2) *Если бы я не решился поехать по корчам (спасибо Volvo и клиренсу в 20см, Устина даже не проснулась), то простоял бы я в этой пробке 3 часа минимум* (ГИКРЯ, ЖЖ: dobrozhinetsky).

(3) *... большой заезд нищевродов на корчах был сегодня* (ГИКРЯ, ЖЖ: uncle_sem).

Словом *копанка* в русском языке обозначаются разные объекты: нелегальные шахты, колодцы, канавы и т.п., что демонстрирует идиоматичность лексического значения слова. В русской речи белорусов под влиянием белорусского языка так называют небольшие искусственные водоемы, что подтверждается и материалом ГИКРЯ:

(4) *Недалеко от домов были небольшие озерца, называли их «копанки». То ли люди их вырыли, то ли техника – не знаю точно* (ГИКРЯ, ЖЖ: yadviga_monich).

Иногда в национальных разновидностях русского языка по-разному распределены лексико-семантические варианты многозначных слов. Так, лексема *кровянка* (белорус. *крывянка*) ‘кровяная колбаса’ используется в различных странах, но ее частотность в Беларуси выше ожидаемой ($G^2 = 83,13$). При этом в Беларуси данное слово в большинстве случаев используется именно в кулинарном значении (30 из 33 контекстов – 90,91 %), в то время как в России удельный вес данного лексико-семантического варианта в выборке по слову несколько ниже (64 из 124 контекстов – 51,61 %).

Поиск лексем из словаря [3] в ГИКРЯ показывает, что большинство из них практически не встречаются в русской разговорной речи, отраженной в блогах жителей Беларуси. В первую очередь это связано с тем, что в словарь И. Г. Шкрабо включены достаточно редкие лексеммы. Так, 88 единиц из 909, т.е. почти 10 %, имеют помету *областное*. Многие слова обозначают явления крестьянского быта, не актуальные для современных горожан, ведущих блоги: *арфаваць* ‘с помощью веялки очищать зерно от мякины и мусора’, *дэраш* ‘конь чалой масти’, *настрамак* ‘небольшой воз сена или соломы’ и т.п. Кроме того, в словаре зафиксированы и историзмы, которые вряд ли будут востребованными в современной коммуникации: *жалязка* ‘утюг, который нагревают на огне’, *млён* ‘рукоятка для приведения в движение ручного жернова или соломорезки’, *зрэбнікі* ‘штаны, пошитые из поскони’, *солтыс* ‘сельский староста в Западной Беларуси’. Впрочем, некоторые историзмы подверглись актуализации. Так, значение слова *пастарунак* в [3] описывается как ‘название полицейского участка на территории Западной Беларуси до 1939 года’, при этом сегодня оно обозначает и современные объекты типа следственных изоляторов.

Вообще, лишь 24 лексемы встретились в русскоязычной части ГИКРЯ более 10 раз, см. таблицу¹.

Наиболее частотные безэквивалентные лексемы (по данным ГИКРЯ)

Слово	Кол-во вхождений
<i>драник</i> (белорус. <i>дранік</i>) ‘оладья или блин из тертого картофеля’	958
<i>с большего</i> (белорус. <i>збольшага</i>) ‘большей частью; в основных чертах’	405
<i>брама</i> ‘главный въезд во двор, город, усадьбу, на завод и др. в виде двухстворчатых, крытых сверху ворот’	290
<i>каменица</i> (белорус. <i>камяніца</i>) ‘каменное или кирпичное строение’	137
<i>толока</i> (белорус. <i>талака</i>) ‘коллективная помощь, работа сообща’	61
<i>замчице</i> (белорус. <i>замчышча</i>) ‘место, где стоял или стоит замок’	49
<i>снить</i> (белорус. <i>сніць</i>) ‘видеть сон, видеть во сне’	49
<i>книгарня</i> (белорус. <i>кнігарня</i>) ‘книжный магазин’	41
<i>кровянка</i> (белорус. <i>кравянка</i>) ‘кровяная колбаса’	33
<i>вышиванка</i> (белорус. <i>вышыванка</i>) ‘рубашка с вышивкой’	32
<i>знич</i> (белорус. <i>зніч</i>) ‘по языческим представлениям священный огонь’	27
<i>вырай</i> ‘теплые страны, куда летят зимовать перелетные птицы’	26
<i>крупник</i> (белорус. <i>крупнік</i>) ‘крупяной суп’	26
<i>брукованка</i> (белорус. <i>брукаванка</i>) ‘вымощенная камнем дорога’	25
<i>кресы</i> (белорус. <i>крэсы</i>) ‘название земель Западной Беларуси, находившихся до 1939 года под властью Польши’	24
<i>плебания</i> (белорус. <i>плябанія</i>) ‘дом, в котором живет ксендз’	15

¹ В таблице указываются основные графические и лексико-семантические варианты лексем, а значения даются по И. Г. Шкрабо. Ряд единиц мы исключили из таблицы, например, областной лексико-семантический вариант *камяніца* ‘каменистая почва’, не зафиксированный в корпусе, и слово *циркулярка* (белорус. *цыркулярка*), которое используется для номинации циркулярной пилы (это значение представлено в различных странах), а не пилорамы с дисковой пилой. В таблицу не попало слово *цимус* (белорус. *цымус*) ‘самое важное, самое существенное, суть чего-либо’, которое широко используется в различных национальных сегментах ГИКРЯ и не является характерным для Беларуси. Наконец, лексемы *лыч* ‘свиное рыло’ и *цыба* ‘длинные ноги’ используются в корпусе только в качестве антропонимов и в настоящее время не имеют явной связи с апеллятивами, отраженными в словаре, поэтому в таблице не указывались.

<i>лявониха</i> (белорус. <i>лявоніха</i>) ‘белорусский народный танец; музыка к этому танцу’	14
<i>гмина</i> (белорус. <i>гміна</i>) ‘административно-территориальная единица в Польше; административный центр такой единицы’	12
<i>кляштор</i> (белорус. <i>кляштар</i>) ‘католический монастырь’	12
<i>бискуп</i> (белорус. <i>біскуп</i>) ‘высшее духовное звание служителя католической церкви; особа, удостоенная этого звания’	11
<i>писарчук</i> (белорус. <i>пісарчук</i>) ‘помощник писаря’	11

Кроме того, в используемом корпусе эпизодически встречаются следующие лексические единицы: *ламачына* ‘поломанная, испорченная вещь’, *гмах* ‘большое высотное здание’, *зничка* (белорус. *знічка*) ‘падающая звезда’, *буаць* ‘пышно цвести, зеленеть’, *жабровать* (белорус. *жабраваць*) ‘собирать милостыню, просить подаяния’, *енчить* (белорус. *енчыць*) ‘жалобно стонать’, *прочки* (белорус. *прокі*) ‘уход из семьи в результате ссоры, размолвки’, *бусянка* ‘гнездо аиста’, *дединец* (белорус. *дзядзінец*) ‘огороженный двор вокруг какого-либо строения’, *шляхтюк* (белорус. *шляхцюк*) ‘молодой шляхтич’, *вербница* (белорус. *вербніца*) ‘Вербное Воскресенье’ и т.п. (количество вхождений с этими лексемами варьируется от одного до 10).

Анализ частотности и тематической отнесенности лексем из нашей выборки показывает, что наиболее востребованы в коммуникации слова с национально-культурным компонентом, обозначающие характерные для страны референты (так называемые культурные заимствования, противопоставленные ядерным [10, р. 212–218; 11, р. 110]): блюда (*драник*, *крупник*), одежду (*вышиванка*), танцы и музыку (*лявониха*), архитектурные сооружения (*брама*, *каменица*, *замчище*, *кляштор*, *плебания*), земли, в том числе административные единицы (*кресы*, *гмина*) и т.п. Семантически специфические слова, у которых нет аналогов в целевом языке, например, лексемы, называющие объекты материальной и духовной культуры, заимствуются легко [11, р. 150–151], при этом очевидно, что не все они обозначают достаточно актуальные понятия, чтобы широко использоваться в современной речи.

В число наиболее частотных лексем входят и «универсальные» единицы, не называющие объекты, связанные исключительно с Беларусью: *снить* и *с большего*. Данные слова компактно выражают смыслы, востребованные в коммуникации, и это является одной из предпосылок для их распространения в исследуемом идиоме.

Анализ контекстов показал, что безэквивалентные лексем за частую слабо интегрированы в систему русского языка, что подтверждает их периферийный характер. Так, например, лексема *чубить* (белорус. *чубіць*) ‘трепать за чуб, хохолок’ входит в воспроизводимую единицу *кто кого чубит, тот того и любит*, которая, по данным ГИКРЯ, почти не используется за пределами Беларуси. Самостоятельно эта единица употребляется лишь в единичных случаях:

(5) *Несколько дней назад соседка Лена любезно предложила мне взять 2 маленькие рыбки. Совсем маленькие. Откормил на свою голову. Теперь эти «рыбки» растолстели и чубят друг друга целый день* (ГИКРЯ, ЖЖ: hazke).

Кроме того, в нашу выборку попали контексты, в которых сохраняется белорусское оформление лексем. Подобные примеры располагаются ближе к полюсу переключения кодов (а не заимствования) в контактном континууме [11, р. 110–114]. Так, некоторые слова используются в белорусскоязычных цитатах, включенных в русскоязычный текст, а также в метаязыковых комментариях, где обсуждается значение слов и других языковых единиц. Ряд лексем представлен в ГИКРЯ преимущественно или только в составе (в качестве) имен собственных: кроме уже упомянутых лексем *лыч* и *цыба*, которые используются как антропонимы, отметим представленные в таблице *вырай* (например, название книги В. Мартиновича «Сцюдзёны вырай») и *зніч* (номинация музыкальной группы), а также *азярышча* ‘место, где когда-то было озеро’ (топоним *Озершце*) (необходимость анализа таких единиц при изучении белорусской разновидности русского языка обосновывается в [4]).

Подводя итоги, отметим, что белорусская безэквивалентная лексика, представленная в словаре И. Г. Шкрабо, достаточно редко используется в текстах на русском языке. В выборке есть разнообразные контексты, которые демонстрируют, что безэквивалентные белорусизмы слабо интегрированы в систему белорусской разновидности русского языка (они используются в составе цитат, метаязыковых высказываний, имен собственных и т.д.).

К числу наиболее распространенных слов относятся обозначения белорусских реалий (*драник*, *брама*, *каменица* и т.д.), а также несколько непосредственно не связанных с Беларусью единиц, компактно выражающих смыслы, востребованные в коммуникации (*снить, с большего*).

Кроме того, зафиксировано возникновение новых значений у проанализированных слов в белорусской разновидности русского языка, в том числе не имеющих однословных аналогов в русском языке.

Результаты данного исследования можно использовать при уточнении списка белорусской безэквивалентной лексики (в сопоставлении с русским языком). Анализ показал, что локализация ряда слов, включенных И. Г. Шкрабо в категорию безэквивалентных, не ограничена Беларусью, что связано как с распространением самих реалий за пределами страны, так и со структурной близостью белорусского и русского языков, которая не всегда полно и точно описывается в лексикографических источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хентшель, Г.* Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология. – 2011. – № 4. – С. 62–78.
2. *Горицкая, О.* Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах / О. Горицкая // Rusistica Latviensis / Latvijas Univ., Rusisticas centrs. – Riga, 2019. – Т. 8 : Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. – С. 124–134.

3. Шкраба, І. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Шкраба. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1994. – 223 с.
4. Горицкая, О. С. Частотный словарь белорусизмов в белорусской разновидности русского языка / О. С. Горицкая, Н. В. Супрунчук, А. А. Яскевич // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т языкознания им. Я. Коласа ; редкол.: И. Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 16 : сб. науч. статей. – С. 96–100.
5. Супрун, А. Е. Лекции по лингвистике / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 144 с.
6. Роўда, І. С. Рознаўзроўневая намінатыўная адпаведнасць беларускай і рускай моў: (у сувязі з праблемай лексічных лакун) / І. С. Роўда. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 1999. – 170 с.
7. Baker, P. Sociolinguistics and corpus linguistics / P. Baker. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2010. – 189 p.
8. Rayson, P. Log-likelihood and effect size calculator [Electronic resource] / P. Rayson. – Mode of access: <http://ucrel.lancs.ac.uk/llwizard.html>. – Date of access: 01.02.2020.
9. Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/>. – Дата доступа: 01.02.2021.
10. Myers-Scotton, C. Multiple voices: an introduction to bilingualism / C. Myers-Scotton. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2006. – 473 p.
11. Matras, Y. Language contact / Y. Matras. – Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2009. – 366 p.

Поступила в редакцию 12.02.2021